

Переселение душ / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Переселение душ / рассказ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Со временем боязнь пройдет. Но это от тебя не зависит, просто старайся ходить по земле только ночью.

Солнце – страшная штука; летние ночи тоже не лучше. Дождись холодов. Первые полгода – золотое время. На седьмом месяце начнут просачиваться грунтовые воды. К началу восьмого месяца тебя покинет ощущение собственной нужности. С приходом десятого месяца будешь лежать и плакать без слез от тоски, потому что осознаешь: твои передвижения окончены навсегда.

Но это еще когда будет, а до той поры необходимо завершить массу дел. Покуда не растеклись мозги, нужно взвесить в уме все «за» и «против».

Все это тебе в диковинку. Ты родился заново! Твое место рождения обито шелком, пахнет туберозой и льняным бельем, а до твоего появления оно еще и поражало тишиной, нарушаемой только сердцебиением миллиардов земных насекомых.

Для строительства этого жилья потребовались доски, металл и атлас; уюта не жди, воздух спертый, да и того не хватает – так, карман в недрах земли. Теперь другого пристанища не положено. Чтобы тебя разбудить пощечинами, как следует растормошить, потребуется волна злости. Желание, потребность, нужда. Вот тогда ты вздрогнешь, поднимешься – и ударишься головой о задрапированные атласом доски. А жизнь манит к себе. Ты с нею вместе растешь. Начинаешь скрести над собой землю, сперва медленно, ведь нужно еще найти, куда сваливать тяжелый грунт, которого дюйм за дюймом набирается порядочно, и однажды ночью над тобой оказывается бескрайняя тьма – путь наверх завершен, и ты подаешься вперед, чтобы увидеть звезды.

Теперь ты стоишь, обуреваемый чувствами. Как ребенок, делаешь первый шаг, спотыкаешься, ищешь опору – и нащупываешь холодную мраморную плиту. Под пальцами твое скупое жизнеописание, высеченное в камне: дата рождения – дата смерти.

Хлипкий прутик, ты учишься ходить. Оставляешь позади эту страну памятников и бредешь темной улочкой по бледным тротуарам, где рядом с тобой нет ни души.

Тебя преследует чувство незавершенности. Где-то есть цветок, какого ты не видел, местность, куда так и не выбрался, озеро, в котором не довелось поплавать, вино, не коснувшееся твоих губ. И вот ты бредешь неведомо куда, чтобы довести до конца то, что не сделано.

Улицы чужие. Незнакомый город – мечта на озерном берегу. Твоя походка обретает уверенность, ты уже не плетешься, а летишь. К тебе возвращается память.

И ты узнаешь каждый газон на этой улице, каждую трещинку на мостовой, где асфальт вспучился от летнего пекла. Тебе известно, где паслись стреноженные лошади, потные среди весенней зелени, привязанные к железным стойкам у воды, но это было так давно, что сознание подергивается ускользающей дымкой. А вот и перекресток, где ослепительный фонарь замер в паутине света среди черной мглы. Чтобы не угодить в эту паутину, ты ныряешь под кроны платанов. Проводишь пальцами по деревянному забору. В детстве ты с хохотом носился вдоль него и молотил палкой по штакетнику, изображая пулеметную очередь.

А эти дома – с каждым связаны лица и ощущения. Вот здесь витал лимонный запах почтенной миссис Хенлон, сухой старушки, которая сухо выговаривала тебе за растоптанные петунии. Теперь она усохла окончательно, как обгоревший древний пергамент.

На улице тишина, если не считать чьих-то шагов. Свернув за угол, ты лицом к лицу сталкиваешься с прохожим.

Вы оба отшатываетесь. Разглядываете друг друга и через считанные мгновения начинаете что-то понимать.

У незнакомца огненные, глубоко посаженные глаза. Высокий рост, поджарая фигура, темный костюм. Скулы поражают необыкновенной белизной. На лице улыбка.

– Новичка сразу видно, – произносит он.

Тогда до тебя доходит, с кем ты повстречался.

Это «скиталец», «иной», совсем как ты.

– Куда спешим? – интересуется он.

– Отойди, – бросаешь ты в ответ. – Некогда мне. Я должен успеть.

Протянув руку, он беззастенчиво хватается тебя за локоть.

– А тебе известно, кто с тобой говорит? – Он наклоняется к твоему лицу. – Не понял еще, что мы одного поля ягоды? Мы же братья.

– Мне... у меня времени нет.

– Понятное дело, – говорит он. – У меня тоже лишнего времени нет.

Ты хочешь проскользнуть мимо него, но он не отстает.

– Будто я не знаю, куда тебя тянет.

– Куда же?

– Ясно куда, – говорит он. – Туда, куда в детстве бегал. На речку. А еще в какой-то дом. Где приключилась некая история. Возможно, к девушке. К смертному ложу старого друга. Все я про тебя знаю, и про всех наших тоже. Мне ли не знать. – Он кивает туда, где свет фонарей перемежается с темнотой.

– Это правда?

– А иначе зачем бы нам, неприкаянным, расхаживать по земле? Странно, честное слово: такое множество книжек написано о призраках и блуждающих душах – и ни один автор этих внушительных томов не раскрыл истинную причину наших скитаний. На самом-то деле притягивает нас одно и то же: память, друг, женщина, дом, вино – все, что связано с этой жизнью... то есть сама жизнь! – Он поднимает кулак, будто скрепляя эти слова. – Жизнь! Настоящая жизнь!

Не говоря ни слова, ты ускоряешь ход, но тебя настигает его шепот:

– Как справишься – подходи ко мне, дружище. Присоединяйся к нашим – хоть на одну ночь, хоть на две, хоть на все оставшееся время – все равно в конце концов мы победим!

– Кто это – «наши»?

– Мертвые. Нас объединяет борьба против... – молчание, – нетерпимости.

– Против нетерпимости?

– Мы, новопреставленные, недавно захороненные, составляем меньшинство, угнетаемое меньшинство. Они издают законы против

нас!

Ты останавливаешься.

– Меньшинство?

– А ты как думал? – Он хватает тебя за рукав. – Кому мы нужны? Никому! Нас боятся, нас гонят с воплями, как баранов на бойню, нас побивают камнями, как иудеев. Это нечестно, пойми, это несправедливо! – Размахивая обеими руками, он молотит воздух. – Разве справедливо, что мы гнием в могилах, а весь мир пляшет, поет и смеется? Разве честно, разве справедливо, что они предаются любви, а мы прозябаем в холоде, они ласкают друг друга, а наши руки превращаются в камень? Нет! Потому я и призываю: долой их всех, долой! Почему именно нам выпало умереть? Почему не другим?

– Наверное...

– Они швыряют нам в лицо комья земли, а сверху придавливают каменными надгробьями. Раз в году, если повезет, принесут цветы и оставят их гнить! О, как же я ненавижу живых! Будь они прокляты! Танцуют ночи напролет, милуются до рассвета, а мы – гори огнем. Прав я или не прав?

– Я как-то не задумывался...

– Вот увидишь! – кричит он. – Мы им за все отплатим!

– Каким образом?

– Сегодня у нас сбор под кладбищенской сенью. Это будет многотысячное войско, и я пойду во главе. Мы выступим боевым порядком! Слишком долго о нас не вспоминали. Если мы расстались с жизнью, то им тоже не жить! Придешь, дружище? Я беседовал со многими. Присоединяйся к нам. Сегодня распахнутся ворота всех кладбищ, и неприкаянные хлынут на улицы, чтобы затопить равнодушных. Ты придешь?

– Да. Скорее всего. Но сейчас я тороплюсь. Мне надо кое-что отыскать... А потом, потом встану под ваши знамена.

– Лады, – говорит он; ты уходишь, а он остается под кронами деревьев. – Лады, лады, лады!

Теперь скорее в гору. Слава богу, ночь выдалась холодная.

Дышать тяжело. Впереди светится ночными окнами великолепный в своей простоте дом, где бабушка сдавала жилье и готовила еду квартирантам. В этом просторном, внушительном доме по

воскресеньям устраивали праздники. Ты, еще ребенком, сидел на крыльце, глаза на взрывающиеся в небо петарды и брызжащие огнем шутихи; барабанные перепонки лопались от пороховых залпов, гремевших из латунной пушечки, а фитиль поджигал дядя Брион при помощи раскуренной самокрутки.

Трепеща от этих воспоминаний, ты начинаешь понимать, зачем мертвые поднимаются из могил. Чтобы увидеть хоть одну такую ночь. Здесь были росистые лужайки, где можно валяться на мокрой траве и мутузить друг друга кулаками, ловя сладостный миг настоящего, – завтра еще не подоспело, вчера давно улетело, а сегодня вечер наш!

А здесь, именно здесь – помнишь? В этом доме жила Ким. Светящееся окошко, выходившее на задний двор, – это была ее комната.

Распахнуть калитку – и скорей по аллее.

Крадешься к ее окну и явственно чувствуешь, как твое затхлое дыхание стелется по холодной траве. Когда туман рассеивается, можно разглядеть комнату: игрушки на узкой, мягкой кровати, до блеска натертый паркет вишневого дерева, а на нем пушистые коврики, будто спящие собачонки.

Вот и она. Устала, это видно по ее походке, но все равно садится и начинает расчесывать волосы.

Затаив дыхание, ты прижимаешься ухом к холодному стеклу и ловишь каждый звук; словно из морской пучины до тебя доносится ее тихое пение, почти что эхо, плывущее впереди напева.

Ты стучишься в окно.

Она даже не повернула головы – знай расчесывает волосы.

Тебе становится тревожно; стучишься опять.

На этот раз она опускает гребень, встает со стула и подходит к окну. Сперва ей ничего не видно: ты отступил в темноту. Тогда она вглядывается повнимательнее. Замечает неясные очертания там, куда не достает свет.

– Ким! – Сдерживаться больше немоготу. – Ким! Это же я!

Ты подставляешь лицо свету. Она бледнеет. Нет, не закричала, но глаза расширились, а губы приоткрылись в испуге, будто в опасной близости ударила молния. Ее как отбросило.

– Ким! – зовешь ты. – Ким.

Она произносит твое имя, но ты не слышишь. Хочет убежать, но вместо этого поднимает раму и, всхлипнув, делает шаг назад, чтобы ты мог запрыгнуть на подоконник, ближе к свету.

Ты закрываешь за собой раму и, пошатываясь, стоишь на подоконнике, а она ушла в дальний угол и прячет лицо. Надо бы что-нибудь сказать, но язык не слушается, и тут до тебя доносится ее плач.

В конце концов она собирается с духом.

– Полгода, – говорит она. – Шесть месяцев, как тебя нет. Когда ты ушел, я все время плакала. Никогда в жизни не лила столько слез. А теперь ты здесь, но этого не может быть.

– И все же я здесь!

– А зачем? Не понимаю, – говорит она. – Зачем ты пришел?

– Случайно. Кругом такая темень, я замечтался – сам не знаю, как это вышло. В моих мечтах была ты; пришлось вернуться к тебе. Ноги сами принесли.

– Тебе нельзя здесь оставаться.

– До рассвета можно. Я тебя люблю, как прежде.

– Не произноси таких слов. Нельзя. Мое место здесь, а твое – там, и мне сейчас страшно до одури. Прошло столько времени. То, что между нами было, над чем мы подшучивали, смеялись – это мне по-прежнему дорого, но...

– Мне от своих мыслей никуда не деться, Ким. Все думаю, думаю. Пойми меня, умоляю.

– Уж не жалости ли ты просишь?

– Жалости? – Ты отворачиваешься. – Нет, жалеть меня не надо. Ким, послушай. Я могу приходить каждый вечер, мы будем болтать, как раньше. Если ты согласна выслушать, я все объясню, чтобы у тебя не было сомнений.

– Что толку? – говорит она. – Прошлого не вернешь.

– Ким, всего лишь один вечерний час. Или полчаса, в любое время, когда скажешь. Пять минут. Чтобы только тебя повидать. Больше ничего – это все, о чем я прошу.

Ты пытаешься взять ее за руку. Она отстраняется.

Зажмурившись, она произносит только одно слово:

– Боюсь.

– Чего?

– Меня всегда учили, что нужно опасаться.

– Как раз таких случаев?

– Да, наверное.

– Но мне только поговорить.

– Разговорами делу не поможешь.

Озноб мало-помалу стихает, она смелеет и успокаивается. Садится на краешек кровати, и с ее молодых губ слетает надтреснутый, старческий голос:

– Ну, если только... – Молчание. – Попробовать. Разве что на несколько минут, по вечерам, чтобы я к тебе привыкла и не страшилась.

– Как скажешь. Не побоишься?

– Постараюсь. – Она глубоко вздыхает. – Не бояться. Сейчас я к тебе выйду, только соберусь с духом. Жди у дома – хоть попрощаемся по-человечески.

– Ким, помни одно. Я тебя люблю.

Ты выпрыгиваешь из окна; за тобой опускается рама.

В темноте подступают рыдания, но не от печали, а от какой-то потаенной горечи.

По другой стороне улицы движется одинокий прохожий; ты его узнаешь – это он совсем недавно с тобой заговорил. Вид – не от мира сего, походка точь-в-точь как у тебя, он здесь чужой.

Тут рядом с тобой возникает Ким.

– Порядок, – говорит она. – Немного успокоилась. Кажется, даже не страшно.

Бок о бок вы идете под лунным светом, как не раз бывало прежде. Она направляет тебя в кафе-мороженое, вы садитесь у стойки, заказываете пломбир.

Ты разглядываешь свою порцию, украшенную фруктами и орехами, а сам думаешь: какое чудо, наконец-то сбылось.

Берешь ложечку, кладешь чуть-чуть мороженого на язык, умолкаешь и чувствуешь, что лицо у тебя погасло. Откидываешься назад.

– Вам плохо? – Бармен встревожился.

– Что вы, все нормально.

– Пломбир не понравился?

– Нет, пломбир великолепный.

– Вы хоть попробуйте, – говорит он.

– Расхотелось.

Отодвигая вазочку с мороженым, ты ощущаешь, как тебя захлестывает страшная пустота.

– Не хочется.

Ты сидишь очень прямо, глядя в никуда. Ну, как объяснить ей, что тебе не повернуться, что кусок не идет в горло? Как растолковать, что ты одеревенел, как бревно, скован в движениях и не ощущаешь вкуса?

Оттолкнувшись от стойки, ты сползаешь со стула и ждешь, пока Ким оплачивает счет; потом распахиваешь дверь и выходишь в ночную темноту.

– Ким...

– Ничего страшного, – говорит она.

Дорога ведет в парк. Она взяла тебя под руку, где-то очень далеко, и прикосновение такое легкое, что почти не чувствуется. Тротуар у тебя под ногами делается мягким. Ты передвигаешься как во сне – ни разу не споткнулся и не оступился.

Ким говорит:

– Хорошо-то как, правда? Сиренью пахнет.

Ты втягиваешь носом воздух, но все понапрасну. В тревоге делаешь еще одну попытку, но сирени словно и не бывало.

В темноте замаячили двое. Проплывают мимо, одаривают Ким улыбками. С расстояния в несколько шагов ты слышишь, как один из них говорит:

– Откуда так воняет? «Подгнило что-то в датском королевстве».

– И верно, откуда?

– Не понимаю...

– Нет! – кричит Ким и вдруг, под впечатлением от их разговора, бросается бежать.

Ты успеваешь поймать ее за руку. Между вами завязывается молчаливая борьба. Она бьет тебя кулаком. Но ударов ты почти не чувствуешь.

– Ким! – Ты срываешься на крик. – Прекрати. Тебе нечего бояться.

– Отпусти! – кричит она в ответ. – Отпусти!

– Не могу.

Снова это «не могу». Она слабеет и обмякает, тихо плача рядом с тобой. От твоего прикосновения ее передергивает.

Дрожа, ты привлекаешь ее к себе.

– Не бросай меня, Ким. У меня большие планы. Мы будем путешествовать, где пожелаешь, – просто путешествовать. Ты послушай. Задумайся. Будем есть изысканные деликатесы, пить лучшие вина, гулять по красивейшим местам.

Ким перебивает. Ты только видишь движение губ. Откидываешь голову назад.

– Что-что?

Она вынуждена повторить.

– Громче, – просишь ты. – Не слышу.

По движению губ видно: она что-то говорит, но до тебя не долетает ни звука.

И тут, словно из-за стены, раздается чей-то голос:

– Зря ты это. Чего добиваешься?

Ты отпускаешь ее.

– Я хотел увидеть свет, цветы, деревья – да что угодно. Хотел до тебя дотронуться, но, видит Бог, стоило мне положить на язык мороженое, как все исчезло. А теперь мне не сдвинуться с места. Даже твой голос, Ким, я почти не различаю. Вот подул ночной ветер, но я его не чувствую.

– Постой, – говорит она. – Так не пойдет. Одного желания недостаточно. Если нет возможности разговаривать, слышать, осязать и даже пробовать на вкус, что же нам с тобой остается?

– Зато я тебя вижу – и помню, как у нас было прежде.

– Этого мало, нужно нечто большее.

– Господи, какая несправедливость. Я жить хочу!

– Значит, будешь жить, поверь, но по-иному.

Ты останавливаешься. Холодеешь. Берешь ее за руку, вглядываешься в смутно белеющее лицо.

– К чему ты клонишь?

– У нас будет малыш. Я ношу под сердцем нашего ребенка. Понимаешь, тебе не было нужды возвращаться – ты и так со мной. А теперь – кругом и шагом марш. Поверь, все сбудется. Мне хочется запомнить не ужас этой ночи, а нечто совсем другое.

Отправляйся туда, откуда пришел.

Даже слез у тебя больше нет: глаза сухи. Ты сжимаешь ее запястья и вдруг, без единого звука, она начинает оседать на землю.

До тебя долетает ее шепот:

– В больницу. Срочно.

Ты подхватываешь ее на руки, несешь по улице. Левый глаз заволокло туманом, а это значит, что надвигается полная слепота.

– Торопись, – шепчет она. – Торопись.

Спотыкаясь, ты переходишь на бег.

Навстречу едет машина; ты поднимаешь руку. В следующий миг вы с Ким уже на заднем сиденье, и незнакомый водитель в потемках мчит вас по городу, нещадно терзая беззвучный двигатель.

И во время этой дикой гонки ты слышишь, как она повторяет, что верит в будущее, и просит тебя не медлить с уходом.

Наконец добрались; Ким сразу исчезла – санитары увезли ее на каталке, не дав попрощаться.

Беспомощный, ты стоишь у входа, а потом разворачиваешься, чтобы уйти. Мир погружается в марево.

Ты бредешь в полумраке, не видя прохожих, и силишься определить по запаху, цветут ли поблизости кусты сирени.

Миновав парк, незаметно для себя спускаешься в овраг. Внизу толпятся скитальцы – ночные скитальцы, у которых тут назначен сбор. Как там говорил тот прохожий? Все неприкаянные, одиночки, восстанут сегодня против тех, кто их не понимает.

Шагая тропинкой, протоптанной на дне оврага, ты спотыкаешься, падаешь, заставляешь себя подняться и снова падаешь.

Уже знакомый тебе прохожий, из этих скитальцев, стоит посреди тропы на подходе к беззвучно журчащему ручью. Ты озираешься, но в темноте никого другого не видно.

Вожак злится:

– Не пришли! Никто, ни один из этих неприкаянных! Только ты. Испугались, черт их дерит, презренные трусы!

– Это к лучшему. – Твое дыхание – иллюзия дыхания – слабеет. – Хорошо, что они тебя не послушались. У каждого, полагаю, была веская причина. Есть вероятность – всего лишь вероятность, что

с каждым произошло нечто такое, чего нам не понять.

Вожак мотает головой.

– У меня были такие планы! Но что я могу в одиночку? Хотя, с другой стороны, соберись все неприкаянные разом, у них бы все равно не достало сил. С одного удара валятся с ног. Быстро устают. Я и сам умаялся...

Он отстает. Шепот его замирает. У тебя в висках тупо стучит пульс. Выбравшись из оврага, бредешь на кладбище.

На могильном камне выбито твое имя. Тебя ждет сырая земля. По узкой лазейке соскальзываешь в прибежище из досок, обитых атласом, не испытывая при этом ни страха, ни волнения. Зависаешь посреди теплого мрака. Наконец-то можно отдохнуть. Роскошь тепла и покоя перетекает через край, как сдобная опара; тебя убаюкивает шепот этого прилива.

Дыхание ровное; ни тебе голода, ни тревог. Ты горячо любим. Ты в безопасности. Это пристанище, где ты лежишь и гредишь, слегка подрагивает, шевелится.

Дремотно. Тело тает, оно теперь маленькое, компактное, невесомое. Дремотно. Медленно. Тихо. Тихо.

Кого ты пытаешься вспомнить? Имя уплывает в море. Ты бросаешься следом, но волны оказываются быстрее. Красота уплывает. А чья – неведомо. Брезжит какое-то время и место. Клонит в сон. Темно, тепло. Беззвучная планета. Сумеречный прилив. Тишина.

Все быстрее и быстрее несет тебя мутная река.

Ты вырываешься на свободу. Зависаешь под горячим желтым светом.

Этот мир необъятен, как снежная гора. Печет солнце; огромная красная рука подхватывает тебя за ноги, а другая хлопает по спине, чтобы ты закричал.

Рядом лежит женщина. У нее на лбу поблескивают бусинки пота, а воздух напоен ликованием и ощущением чуда, свершившегося в этом пространстве, в этом мире. Болтаясь вверх ногами, ты издаешь крик, и тогда тебя переворачивают головой кверху, обнимают и прикладывают к груди.

Слегка оголодав, ты забываешь нужные слова и вообще забываешь обо всем на свете. Над тобой звучит ее шепот:

– Мой родной малыш, я назову тебя в его честь. В его... честь...
Эти слова – ничто. Было время – ты боялся чего-то страшного, черного, а нынче, в тепле, все страхи забыты. Твои губы хотят произнести какое-то имя, ты и сам не прочь бы его выговорить, хотя понятия не имеешь, с чем оно связано, но вместо этого у тебя вырывается счастливый крик. А то слово исчезает, расплывается, в голове затихает призрак смеха.

– Ким! Ким! О Ким!

Рэй Дуглас БРЕДБЕРИ. Некаýalar